

нию как *незащищенные* нормы. В этом смысле правовые принципы как категорические – безусловные и незащищенные – нормы являются выражением чистой *нормативной* мотивации, исключаящей «*потому что*» и «*для того чтобы*» мотивы при исполнении предписываемой правовым принципом обязанности: *N.* обязан не «потому что» (основание обязанности – гипотеза) и не «для того чтобы» (последствие неисполнения обязанности – санкция) – эта *абсолютная обязанность* может быть описана только при помощи тавтологического утверждения «*N.* обязан, потому что обязан», как и корреспондирующее ей право, *абсолютный* характер которого передается с помощью такого же тавтологического утверждения «*N.* имеет право, потому что имеет право», являющегося выражением хрестоматийного суждения о том, что естественными правами человек обладает в силу его принадлежности к человеческому роду. Таким образом, категорические нормы, которые, как уже отмечалось, не имеют гипотезы в качестве условия своего действия, не связывают существование субъективных прав и правовых обязанностей с наличием каких-либо юридических фактов. Такие права и обязанности являются *абсолютными* (безусловными) в том смысле, что связываются исключительно с самим существованием (экзистенцией) человека, являясь своего рода «мерилом человечности» в человеке.

Понимаемые таким образом права личности, выступая своего рода щитом от вторжения в сферу индивидуальной свободы со стороны государства и других лиц, по отношению к самому человеку, скорее, являются его моральным долгом, моральным обязательством перед самим собой, а не просто инструментом расширения горизонта человеческих возможностей. Такое понимание прав человека снижает их потенциальную конфликтность и позволяет восстановить грань между правом и политикой, исключая взгляд на фундаментальные права как лишь на соображения, которые под влиянием внешних обстоятельств, в том числе политических, могут быть вытеснены другими соображениями.

1. Цукка Л. Право versus религия // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2015. № 6. С. 173–195.
2. Краснов М.А. Христианство и права человека. Компендиум. М. ; Берлин : Директ-Медиум, 2015. 147 с.
3. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2018. Т. 13, № 4. С. 83–124.
4. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. А.В. Субботина. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 15–66.
5. Еллинек Г. Декларация права человека и гражданина : пер. с нем. 3-е изд. М. : Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1906. 89 с.

6. Финнис Дж. Почему религиозная свобода является особым, важным и ограниченным правом / пер. Е.А. Уваровой // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2015. № 6. С. 133–150.
7. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford : Clarendon Press, 1986. 434 p.
8. Alexy R.A. Theory of Constitutional Rights. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. 506 p.
9. Алексис Р. Формула веса / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3 / под ред. А. В. Полякова. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 208–228.
10. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. под ред. Л.Б. Макеева. М. : РОССПЭН, 2004. 392 с.
11. Алексис Р. О структуре принципов права / пер. с нем. В.Н. Корнева // Рос. правосудие. 2017. № 3. С. 19–34.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 606 с.

УДК 340.1

С.А. Трахимёнок, доктор юридических наук, профессор, профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь

ПРАВО И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В последнее время термин «мировой порядок» все чаще появляется в статьях юристов-международников, публицистов и политиков, исследующих проблемы международных отношений. Причем иногда его идентифицируют с термином «международный правопорядок». Следует отметить, что публицисты делают это походя, не придавая особого значения смысловой нагрузке и сути понятия. Политические деятели, в свою очередь, вкладывают в него собственный смысл в рамках своего видения ситуации в мире.

В некоторых случаях наряду с первым используется «новый мировой порядок», появившийся во времена президентства Дж. Буша-младшего. Указанный термин стал основой целой концепции, предполагающей политический курс США с претензией на неограниченное господство в мире.

Однако исследователи понятия и концепции не пришли к единому мнению не только по поводу содержания и смысла данного термина, но и его возникновения.

Так, советские исследователи полагали, что он возник в документах «Группы 77» развивающихся стран, то есть появился в недрах практической политики. Американские специалисты до сих пор считают, что он порожден теорией, то есть «доктриной, целью которой был поиск средств установления в международных отношениях определенного

«мирового публичного порядка», а также заявляют, что термин появился до документов «Группы 77» [1].

Отмечая определенный разрыв в подходах к определению «мирового порядка», следует отметить, что чаще всего оно употребляется в практической политике как некая фиксация существующего положения дел в мире.

Чтобы избежать смешивания и подмены понятия «мировой порядок» с «международным правопорядком», следует рассмотреть первый и второй термины в качестве элементов более крупных мыслительных конструкций.

Представим процесс мышления как мерцание рамочно-ядерных конструкций, возьмем в качестве ядра термин «мировой порядок» и исследуем его в рамках права и аксиологии. Точнее, в рамках закономерностей правового регулирования и иерархии высших ценностей, присущих человеческим сообществам.

В теории права есть некая четкая конструкция, из которой вытекает, что законность в рамках национальных правовых систем порождает такой феномен как правопорядок. Соответственно, исполнение законов внутри государства является причиной, порождающей следствие – правопорядок [2].

Если провести параллель с международным правом, то соблюдение международных норм есть причина возникновения международного правопорядка.

Составим, как говорят математики, пропорцию, где международное право – причина «международного правопорядка», а некая неизвестная величина «X» порождает обсуждаемый всеми «мировой порядок». Разумеется, при количественном выражении всех составляющих данной пропорции мгновенно вычисляется величина «X». Однако количественного выражения составляющих пропорции мы не имеем и можем из представленного соотношения взять только то, что «мировой порядок» вытекает или является следствием неких правил игры на международной арене, причем правил, чаще всего вообще не связанных с правом.

Данные правила возникли после распада СССР, когда был объявлен проигравший в холодной войне, но почему-то не названы победители.

В мире существует универсальный закон равновесия, согласно которому любая система в определенной мере к нему стремится. В экономике он проявляется в виде баланса спроса и предложения, в обеспечении безопасности балансом ресурса и затрат на ликвидацию угроз безопасности, в политике – балансом сил.

В конце XX в. такой баланс на мировой арене был нарушен. Распад СССР и разрушение биполярного мира были тому причиной.

Мир стал, по мнению одних исследователей, монополярным, по мнению других, стал стремиться к многополярности.

Но и первое, и второе – это лишь попытки выдать желаемое за действительное. Как не существует палки с одним концом, так и не существует однополярного или многополярного миров, так как полюсов может быть только два. И *de facto* так оно и есть. Сверхдержаве США сегодня в мире противостоят: в сфере экономики – Китай; а в сфере иерархии цивилизационных ценностей – Россия.

Итак, данные правила возникли как результат нарушения баланса сил в мире и вследствие того, что элита проигравшей сверхдержавы и элита победителей согласились на иной порядок оценки потенциалов друг друга, а следствием этого и было появление правил, породивших феномен «мировой порядок».

В. Соколенко в работе «Глобальное государство капитала – на пути в ноосферу» предельно верно оценил феномен двойных стандартов, который, по мнению российских ученых и политиков, Запад применяет против России и постсоветских государств [3, с. 186]. Однако двойными стандартами они являются только для тех, кто исходит из норм и принципов международного права, не учитывая некой иерархии государств, на которую, как показывает время, в 90-х гг. XX в., соглашалась правящая элита постсоветских государств и прежде всего России.

По критериям ООН, Россия – развивающаяся страна, т. е. страна в определенной мере второго сорта. И с позиций контрагентов по международным отношениям в отношениях с ней не действуют определенные нормы, которых придерживаются государства, развитые в рамках так называемого цивилизационного подхода. А данная иерархия государств или деление их на группы осуществляется с позиций монетаризма.

В 90-х гг. XX в. в рамках процесса вестернизации России и всего постсоветского пространства как некие аксиомы активно внедрялись постулаты, взросшие на другой цивилизационной почве.

Особенно много копий было сломано вокруг категории интересов. Чуть ли не в каждой публикации «реформаторы» не только призывали взять на вооружение известную англосаксонскую формулу, но и восторгались ею, как некой истиной в последней инстанции – «у нас нет ни постоянных союзников, ни постоянных противников, а есть только постоянные интересы».

Так, тогда никто не обратил внимания, что эта формула – основа отношений в рамках системы монетаризма, где все измеряется прежде всего денежной выгодой.

На деле с позиций защищенности определенного человеческого общества, то есть безопасности, выгоднее иметь постоянных союзни-

ков, даже если в определенных случаях для этого придется пожертвовать денежной выгодой.

События последних 25 лет наглядно показывают, что, бросив старых союзников и пытаясь приобрести новых, Россия потеряла больше, чем приобрела. Так произошло потому, что основой для долгосрочных союзов являются не интересы, а факторы, сближающие сообщества в процессе противодействия совместным угрозам. Одним из таких факторов являются системы цивилизационных ценностей.

Ценности цивилизационные при спокойном состоянии в обществе не просматриваются, но стоит попробовать посягнуть на них или начать переоценку, они мгновенно проявляются в виде реакций по защите их со стороны носителей этих ценностей.

Роль цивилизационных ценностей в выживании еще в полной мере не оценена, а ведь они служат не только ориентирами для отделения одной части человеческого сообщества от другой, но и являются наиболее общими регуляторами общественных отношений.

В юридической науке сложился стереотип представлений о социальном регулировании и социальных регуляторах. К таковым относят: обычаи, традиции, нормы религиозные и моральные, нормы права.

С позиций участия в их формировании субъективного фактора их можно разбить на две группы. К первой будут относиться обычаи, традиции, религиозные догмы и нормы морали; ко второй – все разновидности норм права (правовые обычаи, нормативные договоры, юридические прецеденты, религиозные писания, в случае обеспечения их принудительной силой государства) и пр.

И если первые являются регуляторами отношений между людьми и складываются объективно, то вторые – наоборот. И для их создания существует специально образованные структуры, механизмы и процедуры, чего нет в случае формирования первой группы социальных регуляторов.

Однако при всей субъективности нормы права всегда связаны с регуляторами, складывающимися объективно, и в большинстве своем совпадают с ними.

Таким образом, они существуют в некой связке друг с другом, что позволяет исследователям данной проблемы утверждать, в частности, что в рамках религиозно-традиционной правовой семьи эффективность права выше, так как там в одном сосуде содержатся однонаправленные нормы религии, морали и права.

И никто не обращает внимания на еще одну связь, которая оказывает на социальное регулирование не менее значимое воздействие или определяющее.

Эта связь социальных регуляторов с цивилизационными ценностями.

В последнее время элита, особенно интеллектуальная, бросилась формулировать национальные идеи, а также иерархии национальных ценностей.

Наиболее общее определение их звучит так: «ценности – это обобщенные представления людей о целях и средствах их достижения, о нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и концентрированно выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Это существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивиды и социальные группы соотносят свои действия» [4; 5, с. 45–56].

Большинство социологических опросов россиян определяют на стыке 90-х гг. XX в. ценности следующим образом: семья – 97 % всех опрошенных, работа – 84 %, друзья, знакомые – 79 %, свободное время – 71 %, религия – 41 %, политика – 28 %.

Разумеется, это ценности, но не те, которые необходимы для того, чтобы оказывать существенное влияние на поведение людей. На наш взгляд, определяющими в определении основной парадигмы поведения больших человеческих сообществ являются не только ценности цивилизационные, но и quintэссенции этих ценностей, которые можно определить не суждениями, а понятиями.

И если за основу классификации локальных цивилизаций мы возьмем данные основания, то у нас образуются три группы цивилизаций: цивилизации Выгоды, цивилизации Долга, цивилизации Правды (Справедливости).

Каково же влияние ценностей на социальное регулирование в этих группах?

В религиозно-традиционных правовых семьях – это ориентация на Долг перед высшими силами, которые сконцентрированы в лице Всевышнего, а также низшие иерархии: государства, кланы, общины.

В классических протестантских – это прямое обеспечение преимуществ Выгоды «избранных к спасению».

В цивилизации Правды – это все, что соответствует представлениям о справедливости, сложившимся на данном пространстве.

Фактически через муки и кровь Россия после 1917 г. вернулась к присущей ей системе цивилизационных ценностей Правды, избавившись от ориентиров цивилизаций Выгоды, которые при нашей ментальности максимализма породили явления, каких не было в государствах других цивилизаций, и таким образом спасла их носителей:

от безмерной капиталистической жадности;

разврата (факт премирования студентов бесплатными билетами в публичные дома широко известен);

аристократической спеси и отношения к другим сословиям как быдлу;

не ограниченной правовыми нормами эксплуатации труда (особенно детского и женского);

неадекватного применения репрессивных мер по отношению к подвластному населению (Кровавое воскресенье, Ленский расстрел) и пр.

Таким образом, невероятными усилиями, фактически подвигом наших прадедов, дедов и отцов, положивших свои головы в большинстве своем абсолютно добровольно на алтарь этой победы, было построено общество, величие которого до сих пор не дает спокойно спать нашим цивилизационным конкурентам.

И об этом все чаще и все громче говорят политики, ученые, практики, в том числе юристы. В связи с этим нельзя не вспомнить об инициативе ряда российских юристов о том, что пришла пора отказаться от приоритета международного права над национальным. Если данная идея будет реализована, можно констатировать, что сделан первый шаг возвращения к основам правового регулирования, присутствующим данному пространству.

Вторым шагом может быть реабилитация идеологии как атрибута государственности. Боязнь ее – один из перегибов недавнего прошлого, мешающий здоровой идеологической самоорганизации и выработке целостного представления о содержании национально-государственного бытия.

Разумеется, это будет не идеология мировой революции или построения коммунизма в отдельно взятой стране, это будет система идей, сформулированных в рамках цивилизационных ценностей, присутствующих данному пространству, ориентация на которые в критические моменты истории всегда спасала их носителей.

1. Сирота Н.М. Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/44.html (дата обращения: 11.07.2018).

2. Лазарев В. Общая теория права и государства библиотека юриста [Электронный ресурс]. URL: www.gumer.info/bibliotek/Buks/Pravo/.../04.php (дата обращения: 11.07.2018).

3. Соколенко В.Г. Глобальное государство капитала – на пути в ноосферу. М.: Известия, 2005. С. 186.

4. Чубенко Д.С. Ценности современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unn.ru/fsn/k2/students/hopes/21.htm> (дата обращения: 11.07.2018).

5. Фоменко В.Т., Кульпина Т.И. Система ценностей современного школьника // Ученик в структуре личностно ориентированного образования. Ростов, 1997. С. 45–56.

6. Бастрыкин А. Исправленному верить. Рос. газ. 28 апр. 2015 г.

УДК 340.1

И.Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

ЦЕННОСТИ И ПРАВО В ПОСТКЛАССИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Постклассическая картина мира, включающая в качестве взаимодополнительных моментов онтологию, гносеологию и аксиологию, существенно отличается от классического образа мира. Среди множества таких отличий наиболее важными представляются два: мир не отделим от картины мира и ценностное конституирование социальности (включая все модусы социальности: право, экономику, политику и т. д.). Данные взаимосвязанные отличия следует рассмотреть подробнее.

Классическое мировоззрение, включая науковедение, прежде всего исходит из объективности внешнего мира относительно познающего (или хотя бы воспринимающего) его человека. Отсюда идеал научного познания – элиминировать все субъективные (и ценностные) факторы, искажающие аподиктичность описания, объяснения и предсказания закономерностей, образующих суть реальности. Неклассическая философия показала зависимость объекта познания от средств его описания и объяснения и от позиции субъекта, производящего манипуляции с ним. Постклассическое (или постнеклассическое) науковедение поместило неустранимый «субъективный фактор» в исторический и социокультурный ценностный контекст, который задает содержание (или, как минимум, детерминирует, обуславливает) научное познание. Даже если полагать изыскания социологии как науки (особенно эдинбургской школы) неуместным радикализмом («вульгарным социологизмом», как считают некоторые), тем не менее отрицать «лингвистический поворот», который изменил представления о социогуманитарной науке и саму науку, сегодня невозможно.

После «лингвистического поворота» (его точнее следовало бы назвать семиотическим) реальным можно считать только то, что воспринято и зафиксировано в знаковой форме. Если о чем-то человечество не знает, то этого «что-то» не существует, даже если через некоторое время окажется, что это «что-то» все это время незримо присутствовало. В этой связи уместно перефразировать знаменитую «теорему» У. Томаса (как обозначил его афоризм Р. Мертон) следующим образом: ситуация реальна, если она воспринимается как реальная.